

Музы, пушки и улыбки

С ней прощались на двух панихидах: в патриаршем Богоявленском соборе и в Московском Художественном академическом театре, который стал судьбой и славой знаменитой Анастасии Зуевой.

На снимке: Н.И.Дорохин и А.П.Зуева на фронте.

Александр КРАВЦОВ

Анастасия Платоновна Зуева дарила мне свою дружбу много лет, до последних дней ее жизни. Глядя на великое скопление людей у ее гроба, я думал о том, сколько жизней может вместить в себя лишь одна, отданная честному общественному служению.

Была она простой и доступной в обращении, народной в речи, в манерах, в доброте и стойкости душевной, в бесстрашии православной веры среди воинствующих атеистов. Характером тверда и независима. Олег Ефремов называл ее «моя генеральша». Училась в юности в знаменитой Шаляпинской студии, хорошо знала Федора Ивановича, всю жизнь оставалась верной подругой его дочери Ирины. С 1924 года - во МХАТе, в те времена признанном «первым театром мира». Строгий Станиславский снял с роли гоголевской Коробочки в «Мертвых душах» замечательную актрису и собственную жену, М.П.Лилину, в пользу молоденькой Насти Зуевой. Коробочка принесла ей мировую славу. Впрочем, как и многие другие роли репертуара Островского, Горького, Чехова. В кино она осталась навсегда непоколебимой Мерчуткиной в чеховском «Юбилее» и доброй Сказочницей в резном окошечке из фильмов А.Роз. В послевоенные годы вся страна повторяла ее заразительную реплику из кинокомедии «Первая перчатка»: «Иван Васильич, довольно боксу! Куда милиция смотрит?...»

Мысли мои надолго остановились на военных годах. Всю войну Настасья Платоновна (она так произносила свое имя и отчество) вместе с верным партнером, мхатовским актером Николаем Ивановичем Дорохиным провела в поездках на фронты. Это стало главным содержанием четырех лет ее жизни - добротной миссией большого художника-гражданина.

Русский солдат не нуждался в возвышенных лозунговых призывах, подобных жгучим монологам французской актрисы Рашели на революционных баррикадах в Париже. Наши ждали встречи с искусством сердечным, напоминающим о мире, добре, человеческой жизни. Для Зуевой и Дорохина артистической гримуборной в лучшем случае служил выдавший виды прифронтовой автобус. На полянку перед ним выставлялись два стула - вот и вся «сценаграфия». Зрители усаживались прямо на землю. И начиналось чудо погружения в волшебство театра - чудо, творимое двумя превосходными артистами. Играли они сцену из «Женитьбы Бальзаминова» А.Островского. И это было чем-то вроде мессы перед боем.

«Не было для меня ничего дороже улыбки солдата на войне, - говорила мне Зуева. - Мы заряжали людей юмором, русским словом, духом народным, влюбленностью в свою Россию»...

Помню. Вел ее творческий вечер в Центральном Доме работников искусств. Ей тогда уж было за семьдесят. Заканчивали сцену из «Последней жертвы» Островского. Зуева - в характерно-гротескном гриме, в сарафане в оборках, вся - словно «баба на чайнике». Вышла за кулисы под овации. спрашивает: «Это что же,

финал?» «Финал», - отвечаю.

- Как же мне выходить к зрителю на прощание - рожей?! Ты уж, Алесаша, поговори с ними, а я переоденусь.

- Да ведь о чем говорить после такого обвала аплодисментов?

- Продержись две минуты. Я поспею...

Минуты через полторы кашлянула за сценой - дала знак, что уже готова. И вышла в платье со шлейфом, с бархоткой на шее, с красиво убранными волосами. Когда успела?! На мое удивление позже ответила:

- Фронт приучил все делать быстро.

Фронт в самом деле ко многому приучил. Часто добирались пешком из одной воинской части в другую, таща на себе театральные костюмы и реквизит.

- Так мы шли от Полярного в Рыбачий на Кольском полуострове, - рассказывала Настасья Платоновна. - А вокруг... Господи, какое лесное богатство, какая красотища! В тот год был невиданный урожай грибов, множество костяники и других ягод... Природа противостояла войне, напоминала о своих, естественных, законах. А в нескольких шагах погибали люди... В Рыбачьем нас поместили в большой землянке. Сырость, по стенам течет вода. Но прием такой теплый, что ничего худого замечать не хотелось. Из землянки перешли в сарай - это и был зрительный зал. Я говорю нашей спутнице по фронтовым бригадам, певице Надежде Аполлинарьевне Казанцевой: «Пойте экономно - берегите голос!» Куда там! Она пела больше и щедрее, чем в Колонном зале, в Москве...

- И все же... Страшно бывало? На передовой как-никак...

- Не было страха - вот ведь чудо какое. Одержимость, целеустремленность, желание доставить бойцам хоть короткую, да радость брали верх над всеми другими чувствами...

Знаешь, часто теперь думаю: сытость да алчность заставляют людей забывать о душе, становиться снобами. Что всего дороже в театре? Зритель-сотворец, соучастник. Там, на фронте, он всегда был таким. А нынче нет-нет, да услышишь: «Ой, так много дел, забот, хлопот - не до театра!» Не до души, значит!.. На фронте человек готовил себя к общению с искусством, к восприятию образа и свежей эмоциональной мысли. Три тысячи восьмисот фронтовых бригад работали в действующей армии. И все - желанные, долгожданные, необходимые... Мне говорили: «Побереги себя. Работаешь, как ломовая лошадь». Я не любила ныть, отвечала: «Неподходящее сравнение. Я - русская женщина, актриса. По-другому не могу. Люди идут на смерть. Они имеют право требовать от нас все, чем мы располагаем. Но они не требуют. Они благодарны».

Она не была обижена наградами: народная артистка СССР, лауреат многих Государственных премий, кавалер орденов и медалей. Но превыше всего Анастасия Платоновна ценила одну награду: орден Ленина, которого была удостоена за вклад в Победу...

Потому и панихиду по ней служили в Москве дважды. Церковь отпевала великую русскую женщину, МХАТ - великую актрису.